

Антидискриминационный центр «Мемориал»

ОО «Правозащитное движение: Бир Дуино — Кыргызстан»

Альтернативный отчет в Комитет ООН по защите прав всех трудящихся мигрантов и членов их семей

Март 2015 года

Март 2015 года

Введение

Об обязательствах властей Кыргызстана защищать права киргизских трудовых мигрантов и о возникающих в связи с этим проблемах

АДЦ «Мемориал» приветствует тот факт, что Кыргызстан ратифицировал Конвенцию ООН о защите прав всех трудящихся мигрантов и членов их семей, тем самым заявив о своей готовности поддерживать граждан своей страны, вынужденных работать за границей, в том числе в РФ. Участие в Конвенции обязывает власти страны активно защищать права трудовых мигрантов, собирать информацию о возникающих проблемах, анализировать ее и реагировать на все случаи нарушений.

Как бы хорошо ни звучали такие обязательства на словах, на деле реализовать защиту мигрантов за границей очень сложно, поскольку нарушения Конвенции имеют место сплошь и рядом в РФ – стране, не подписавшей и не ратифицировавшей Конвенцию о защите прав всех трудящихся мигрантов и членов их семей. Тем не менее, у представителей Кыргызстана в РФ есть возможность поднимать на дипломатическом уровне вопрос о правах трудовых мигрантов, работать с властями РФ по этой теме.

В этом плане нельзя не приветствовать ряд мер, предпринятых в разные годы Посольством Кыргызстана в РФ с целью защиты граждан своей страны, живущих и работающих в РФ. К сожалению, мер этих было явно недостаточно.

Визиты дипломатов в центры, где содержатся люди, привлекаемые к административной ответственности за нарушение миграционных правил, очень важны и нужны¹. Часто иностранные граждане томятся в российских центрах (по условиям содержания они не лучше, а часто и хуже обыкновенной тюрьмы) годами. Дипломаты могут значительно ускорить решение вопроса об освобождении узников таких центров и отправке их домой – часто для этого требуется помочь установить личность мигранта, а это могут сделать именно власти страны происхождения. Однако, к сожалению, визитов таких очень мало, хотя количество мигрантов, содержащихся в таких центрах (ранее называвшихся ЦСИГ, а теперь – СУВСИГ), лишь растет, а самих центров тоже становится все больше. Власти Кыргызстана недостаточно поддерживают мигрантов, оказавшихся без документов, хотя такая помощь крайне нужна тем, кто лишен свободы на долгие месяцы (порой и годы) лишь из-за неправильно оформленных или утраченных бумаг.

Следует выделить как отдельную проблему нарушение социальных и экономических прав трудовых мигрантов из Кыргызстана. Очень часто мигранты не получают зарплату, и есть информация о том, что юристы – сотрудники Посольства Кыргызстана в Москве помогли добиться ее выплаты (как правило, во внесудебном порядке)². Однако этих усилий явно недостаточно: даже в тех случаях, когда мигранты жалуются в суд на массовые невыплаты зарплат, дипломатические службы стран происхождения не поддерживают мигрантов, не ходят на суды, не выступают в СМИ РФ с протестами, не пытаются (насколько нам известно) предъявлять претензии властям РФ. Реакции требуют нарушения прав

¹Например, летом 2013 года сотрудники Посольства Кыргызской Республики в Российской Федерации посетили Центр содержания иностранных граждан № 1 ГУВД Москвы <http://www.dcsmfa.kg/>

²http://www.csip.kg/images/docs/prezentation/Report_2013.pdf

мигрантов не только со стороны работодателей, но и со стороны посреднических фирм, оформляющих трудоустройство мигрантов. Права детей-трудовых мигрантов тоже не защищаются властями страны происхождения, хотя они грубо нарушаются в РФ, где детям нельзя находиться в стране более 90 дней подряд (если у них нет гражданства или РВП РФ), а значит, дети не могут законно жить с родителями и учиться в школе.

Последнее о чем хотелось бы сказать, оценивая роль киргизских дипломатов в защите прав трудовых мигрантов в РФ, – это о попытке посла Раимкула Аттакурова в 2009 году договориться с русскими националистами, чтобы те не убивали граждан Кыргызстана и не нападали на них. Сам посол рассказал об этом так: «Причиной послужили трагические события, гибель наших сограждан. Я как дипломат обязан искать пути защиты и интересов своих сограждан. Так пришла эта нестандартная идея: встретиться с теми, кто обладает влиянием в среде русских националистических организаций, поговорить, показать Кыргызстан, где живут наши народы в мире и согласии. Мы такие же люди, мы родились и жили в одном государстве. Мы даже предложили сыграть товарищеский футбольный матч между сборной киргизов в Москве и представителями "Славянского союза"»³.

Власти Кыргызстана действительно приглашали за свой счет в страну лидеров запрещенных в РФ националистических организаций (таких как «Славянский Союз»), в частности Дмитрия Демушкина, известного своим неприятием приезжих из республик Центральной Азии.

Поддерживая в целом факт озабоченности дипломатов Кыргызстана судьбами жертв нападений расистов, следует отметить, что задаривание националистов бесплатными поездками и попытки наладить с ними отношения, чтобы они не убивали киргизских трудовых мигрантов, – аморальны и бессмысленны.

Несомненно, властям Кыргызстана следует последовательно реагировать на все проявления расизма и ксенофобии по отношению к гражданам своей страны, тем более – на нападения и убийства. Необходимо добиваться адекватного преследования преступников властями РФ, жесткого реагирования на все преступления на почве ненависти.

В целом, несмотря на очевидные трудности работы по защите прав трудовых мигрантов в РФ, представители КР обладают рядом важных инструментов в борьбе за права граждан Кыргызстана, а потенциал дипломатических возможностей в этой сфере используется пока далеко не в полном объеме.

³ http://news.bbc.co.uk/hi/russian/sport/newsid_7859000/7859907.stm

Трудовые мигранты из Кыргызстана узбекского происхождения – «скрытые беженцы»

Летом 2010 года в Ошской и Джалал-Абадской областях Кыргызстана произошел кровавый межнациональный конфликт, в результате которого всего за несколько дней там, по разным данным, погибло от 600 до 2000 человек, большинство из которых были этнические узбеки. Это событие привело к массовому исходу узбекского населения юга Кыргызстана, Узбекистан отказывался принимать беженцев, многие из них пытались перебраться в Россию или в Казахстан, где право жить и работать они могли получить лишь как трудовые мигранты (статус беженца получить было невозможно).

Один из очевидцев событий, позже переехавший в Россию, рассказал сотрудникам АДЦ «Мемориал» о том, что пришлось пережить ему и другим узбекам в Оше в 2010 году:

«Ош – второй по величине город страны после Бишкека. Его население вместе с пригородами насчитывало до 500 тыс. человек. Большинство жителей — узбеки, по соседству жили и киргизы, и русские. В городе работало несколько узбекских телеканалов — «Мезон ТВ», «Ош ТВ», освещавших политическую жизнь.

Погромы и столкновения начались 10 июля 2010 года. До этого, 7 апреля, президент Курманбек Бакиев был свергнут после народных демонстраций. Временное правительство во главе с Розой Отунбаевой приняло всю власть. Но противостояние обострялось: свергнутый президент и его родственники не хотели отдавать свою власть и четыре раза устраивали массовые беспорядки, повлекшие гибель людей. 10 июля волна насилия охватила города Ош и Джалал-Абад и разлилась по всем кварталам. Власти ничего не делали, чтобы остановить кровопролитие и даже наоборот — потворствовали приехавшим в города киргизам в убийствах и ограблении узбеков. Под прикрытием армейских БТРов мародеры врываются в дома, грабят и убивают людей.

Людей в городе не просто убивали — над ними издевались, их резали, сжигали заживо. При этом не щадили ни детей, ни женщин, ни стариков. Улицы в одночасье превратились в поле битвы. Горящие дома, раненые и убитые люди, пронсящие танки с солдатами на броне, беспорядочно стреляющими вокруг. Толпы вооруженных мародеров и спасающиеся от них жертвы. Все эти картины геноцида, подобно кошмарным призракам, вырисовывались в чадном дыму пожарница целых микрорайонов.

Насилие продолжалось три дня и три ночи, а после беспорядков стали искать виноватых. Пропагандисты сразу выдумали обвинения в «сепаратизме» и «ваххабизме», чтобы оправдать случившееся в глазах мировой общественности. Виноватыми сделали опять-таки узбеков — людей, вынужденных защищать свои семьи, своих детей и свои дома. Тех, кто строил баррикады, чтобы не подпустить к своим домам танки, тех, кто отбивался от атак мародеров. Теперь эти парни сидят в тюрьмах, многие получили пожизненные сроки. В тюрьмах же оказались и те узбеки, которым подбрасывали наркотики и оружие и кто не смог откупиться от полиции.

400 тысяч беженцев смогли на время укрыться в соседнем Узбекистане, но только на время. Узбекские власти не стали вмешиваться в происходящее, ограничились минимальной помощью и фактически, как, в общем, и все прочие страны, бросили узбеков на произвол судьбы. Через некоторое время власти Узбекистана обманом вывезли всех беженцев обратно в Киргизию на специально пригнанных для этого автобусах. И люди остались посередине между адом и адом.

Националистически настроенные киргизы заняли дома бежавших от резни узбеков. Вернуть дома их владельцам стало возможно только после вмешательства международной комиссии ОБСЕ. Возможно, все это входило в планы организаторов и пособников погромов. Выгнать узбеков и занять их дома — сделать это гораздо проще, чем развивать экономику нищей страны и решать социальные проблемы.

Проще отвлечь внимание народа от его собственных бед, разжечь межнациональную ненависть и пробиться любой ценой к власти. Цена этих политических игр — жизни людей».⁴

Оказавшиеся в РФ мигранты узбекского происхождения подвергаются опасности – их могут арестовать и выдать в Кыргызстан по требованию тамошних властей. Против многих из них киргизскими властями были выдвинуты обвинения в связи с предполагаемым участием этих людей в беспорядках, многие объявлены в международный розыск. По запросу Генпрокуратуры Кыргызстана российские правоохранительные органы готовы выдать им предполагаемых «преступников». Следует отметить, что в предоставляемых киргизской стороной документах часто отсутствуют убедительные факты участия преследуемых лиц в каких-либо незаконных действиях, что ставит под вопрос само основание для уголовного преследования или экстрадиции.

Так, в 2012 году решение об экстрадиции в Кыргызстан было принято в отношении этнического узбека М., в момент процесса предоставления ему статуса беженца. 25-летний М. приехал в Россию в августе 2010 года, вскоре после межэтнических столкновений на юге Кыргызстана, в городе Ош. Он получил разрешение на временное проживание в РФ на три года, однако 29 октября 2012 года его задержали на Ладожском вокзале Санкт-Петербурга. Суд заключил его под стражу в целях выдачи. Как выяснилось, с 2011 года М. находился в международном розыске, поскольку в Кыргызстане ему было заочно предъявлено обвинение в совершении массовых беспорядков в Оше и похищении человека. 23 ноября 2012 года Генеральная прокуратура Кыргызстана обратилась к властям России с запросом о выдаче М., а 13 августа 2013 года требование о выдаче было удовлетворено. АДЦ «Мемориал» в сотрудничестве с адвокатами обжаловали в суде решение о выдаче. В жалобе было указано на то, что на родине жизнь М. как этнического узбека будет подвергаться серьезной опасности. Адвокаты направили запросы в УВКБ ООН, Хьюман Райтс Вотч и Международную Амнистию с просьбой предоставить информацию о том, каково положение этнических узбеков, обвиняемых в участии в событиях в июне 2010 года в Оше, и есть ли риск при выдаче этой категории лиц для уголовного преследования. Авторитетные международные организации подтвердили, что в отношении этнических узбеков существует реальный риск пыток, против них фабрикуют уголовные дела, их пытаются при заключении под стражу, а право на справедливое судебное разбирательство не соблюдается.

26 ноября 2013 года Санкт-Петербургский городской суд удовлетворил жалобу, отменил постановление Генеральной прокуратуры РФ о выдаче М. и освободил заявителя из-под стражи в зале суда. Суд согласился с доводами адвокатов о том, что документы, направленные Генеральной прокуратурой Кыргызстана, содержали ряд противоречий, в том числе в дате рождения и написании имени заявителя. Генеральная прокуратура Российской Федерации в ходе экстрадиционной проверки, длившейся более девяти месяцев, не только не устранила эти противоречия, но и закрыла глаза на явные несоответствия в квалификации деяния заявителя, за которые требовалась его выдача. Кроме того, решение о выдаче было принято в период процедуры определения статуса беженца, что недопустимо. Суд указал, что в материалах экстрадиционного дела описание событий и формула обвинения не совпадают, в связи с чем невозможно установить, за какие именно деяния требуется выдача, и сравнить соответствие составов преступления по уголовным кодексам Российской Федерации и Кыргызской Республики.

Суд также принял во внимание позицию Верховного комиссара по делам

⁴Интервью с узбекским беженцем из г. Ош, опубликованное в журнале «Антифашистский мотив» № 11: <http://adcmemorial.org/www/4477.html>

беженцев ООН в РФ о существовании риска применения к заявителю запрещенного обращения в Кыргызстане, о том, что не исследован вопрос о возможных последствиях выдачи; позицию Европейского Суда по правам человека, которая свидетельствует о том, что этнические узбеки с 2010 года по настоящее время подвергаются в Киргизии риску пыток и жестокого обращения, несправедливого уголовного преследования по сфабрикованным обвинениям в Киргизии, и в целом являются наиболее уязвимой группой населения страны.⁵

В мае 2012 года Генеральная прокуратура Российской Федерации при схожих обстоятельствах удовлетворила запрос об экстрадиции узбека Н. и отменила своё решение только после вмешательства Европейского суда по правам человека, потребовавшего отказаться от его экстрадиции.⁶

16 октября 2012 года Европейский суд по правам человека вынес решение по делу «Махмуджан Ергашев против России». Суд постановил, что в случае экстрадиции заявителя (гражданина Кыргызстана узбекского происхождения) в Кыргызстан, будет нарушена статья 3 Европейской конвенции о защите прав человека (запрет пыток и жестокого обращения, включая отправку лиц в страны, где им грозит серьёзная опасность обращения, запрещённого этой статьёй). Это был первый случай, когда Европейский суд по правам человека вынес решение по делу узбека относительно угрозы пыток и жестокого обращения в случае возвращения в Кыргызстан.⁷

Это решение Европейского суда стало ключевым в деле еще одного ошского узбека С., который также находился под угрозой экстрадиции. С декабря 2011 года он проживал в Санкт-Петербурге, но уже в марте 2012 года был задержан сотрудниками полиции и направлен в СИЗО. Находясь там, он получил уведомление о том, что в отношении него Генеральной прокуратурой РФ было принято решение об экстрадиции. АДЦ «Мемориал» в сотрудничестве с адвокатами была подана жалоба на незаконность такого решения. Городской суд Санкт-Петербурга удовлетворил жалобу адвокатов и отменил постановление заместителя Генерального прокурора России о выдаче С. для уголовного преследования в Кыргызстане. Адвокатам удалось доказать в суде реальность риска пыток и иного бесчеловечного обращения и наказания, отсутствие справедливого судебного разбирательства в отношении этнических узбеков в Кыргызстане после событий столкновений на этнической почве в 2010 году в городе Ош. При этом суд ссылаясь на практику ЕСПЧ по подобным делам, в частности, по делу Махмудажана Эргашева против России. В результате удалось добиться отмены решения об экстрадиции в Кыргызстан, где ему грозили пытки, и освободить заявителя. Прокуратура обжаловала решение об отказе в выдаче в Верховный Суд РФ, но адвокату О.Цейтлинной удалось подтвердить позицию защиты и убедить судей Верховного Суда в правильности решения Санкт-Петербургского городского суда об отказе экстрадировать в Кыргызстан этнического узбека.⁸

Тем не менее, имеется достаточно примеров, когда суды и прокуратура оставляют в силе решения об экстрадиции, игнорируя угрозу пыток и жестокого обращения, с которыми сталкиваются эти люди при возвращении на родину. 24 июля 2013 года Городской суд Санкт-Петербурга оставил в силе решение об экстрадиции в отношении гражданина Кыргызстана Т. – этнического узбека, который бежал из Кыргызстана в Россию после событий 2010 года. Адвокат О.Цейтлина обратилась с жалобой на это решение в Верховный суд, но когда эта жалоба будет рассмотрена, на данный момент неизвестно.⁹

Показательно, что репрессиям за участие в событиях лета 2010 года подвергаются

⁵<http://www.memo.ru/d/180085.html>

⁶<http://amnesty.org.ru/node/2610/>

⁷ Там же.

⁸<http://adcmemorial.org/www/6504.html>

⁹<http://amnesty.org.ru/node/2710/>

даже те, кто не обвиняется ни в каком насилии (ни в реальном, ни в приписываемом). Так, в 2010 году в АДЦ «Мемориал» обратился Б., режиссер-кинодокументалист, благодаря которому мировая общественность узнала правду о межэтническом конфликте в Оше: ему удалось снять ужасы беспорядков на видеокамеру.

«К этому моменту вся аппаратура и сами офисы телеканалов, транслировавших новости из Оша, были уничтожены, и город на какое-то время оказался в информационной блокаде — просто некому и нечем было снимать все то, что творилось вокруг, — те ужасы, всю ту резню. Но документировать происходящее стало необходимо. Снимать для того, чтобы это осталось в истории. Фотографии и видео размещались в Интернете или передавались в соседние страны, откуда уже их можно было транслировать на весь мир.

В тот первоначальный момент других журналистов, освещавших события, практически не было. Нужно было взять камеру и идти по городу. Из одного квартала в другой. Из одной махаллы в другую. Потом снятое видео использовали «Аль Джазира», «Вести», CNN».

Б. сумел уехать в Россию, где обратился за российским гражданством по ускоренной процедуре (он родился до 1991 года и получил образование на русском языке), его заявление было принято ФМС России, он и его семья ожидали положительного решения о предоставлении российского гражданства. Однако вскоре Б. узнал, что в Кыргызстане он объявлен в розыск, что грозило ему задержанием при попытке получения документов в ФМС и экстрадицией. С помощью правозащитников Б. удалось легализоваться в РФ.

Чтобы избежать каких-либо препятствий, которые могут возникнуть в ходе экстрадиции, в ряде случаев сотрудники правоохранительных органов прибегают к замене процедуры экстрадиции на процедуру депортации или административного выдворения. Это делается главным образом для того, чтобы упростить обработку документов и судебные процедуры. Такими способами некоторые этнические узбеки были переданы кыргызским властям, даже если в их экстрадиции было отказано Генеральной прокуратурой РФ. В отношении таких людей нередко выносится решение о депортации или выдворении на родину за совершенные ими административные правонарушения.

Обстановка в Кыргызстане остается напряженной, а положение этнических узбеков, очень сложным: пытки и жестокое обращение широко применяются в ходе задержания узбеков, при доставке задержанных в места лишения свободы, при обысках домов, на допросах и в ИВС.¹⁰

Представляется необходимым добиваться признания их уязвимого положения, отказа от практики насилия и этнического профилирования в работы силовиков Кыргызстана, обеспечения беженцам и переселенцам с юга Кыргызстана узбекского происхождения возможности безопасно жить а работать в других странах, в том числе в РФ.

Массовая миграция этнических узбеков с юга Кыргызстана продолжает иметь место, хотя после межэтнического конфликта прошло уже более четырех лет. Как уже говорилось выше, легализоваться в России они могут лишь как трудовые мигранты, не имея возможности получить статус беженца или временное убежище или российское гражданство в упрощенном порядке.

Причиной того, что этнические узбеки стремятся покинуть Кыргызстан, можно сформулировать как «выдавливание всего узбекского»¹¹ – и одновременно продвижение кыргызской идентичности как единственного пути к межнациональному миру и согласию. В частности, большие трудности в Кыргызстане испытывают СМИ на узбекском языке, соответственно, ограничен доступ узбекоязычного населения к информации. Комитет ООН по ликвидации расовой дискриминации рассмотрел отчет Кыргызстана в 2013 году, как

¹⁰<http://amnesty.org.ru/node/2610/>

¹¹<http://www.fergananews.com/articles/7622>

и Комитет ООН по правам человека в 2014 году высказали озабоченность ситуацией со СМИ на узбекском языке в Кыргызстане.

Июньские события привели к уничтожению двух основных узбекоязычных телеканалов, «Мезон-ТВ» и «Ош-ТВ», их владельцы – этнические узбеки Джавлон Мирзаходжаев и Халил Худайбердиев – в конце октября 2011 года были признаны виновными и заочно приговорены к длительным тюремным срокам за причастность к межэтническому конфликту июня 2010 года. Проведенное Комитетом защиты журналистов расследование показало, что выдвинутые против Мирзаходжаева и Худайбердиева обвинения в разжигании конфликта и участии в убийствах беспочвенны и политизированы. Ныне телекомпания «Мезон-ТВ» прекратила свое существование, а «Ош-ТВ» стал рупором мэра города Ош Мелиса Мырзакматова.

По мнению журналиста Абдумомуна Мамараимова, «события 2010 года почти уничтожили узбекскую журналистику. Теперь несколько узбекских газет публикуют только официальное мнение или повторно публикуют обработанные новости от других»¹².

Однако несколько узбекоязычных СМИ в стране все же остались. В частности, это газеты: ошские «Аалам» (выходит два раза в месяц), «Ош садоси» (два раза в неделю), «Дустлик» в Араванском районе и джалал-абадская «Жалол-обод Тонги» (два раза в месяц). В 2011 году по постановлению правительства было создано радио «Ынтымак», которое в 2012 году стало полноценным круглосуточным радиоканалом с киргизско-русско-узбекским контентом. Проект финансируется государством и за счет государства и грантов. Частично на узбекском вещает и созданный в 2012 году телеканал «Ынтымак».

В настоящее время информирование узбекоязычного населения через СМИ на родном языке с трудом начинает восстанавливаться, но воспринимается многими политиками, чиновниками и населением довольно болезненно: в этом видят угрозу безопасности и риск нового межэтнического конфликта. Так, в 2013 году сообщение о том, что на частном телеканале, который СМИ оценивают как «националистический», собираются транслировать короткие новости на узбекском языке, вызвало демонстрацию протеста «патриотически» настроенных людей, были собраны тысячи подписей против передачи на узбекском языке. СМИ цитировали (2013) высказывание члена Конституционного совещания, бывшего руководителя пресс-службы парламента Кыргызстана Шайырбека Маматокторова о том, что создание узбекоязычные СМИ – «это будет антиконституционное деяние, так как в основном законе страны прописаны два языка. Но почему-то международные организации выделяют деньги на развитие узбекоязычных СМИ, что идет вразрез с целями страны. Таким образом, они способствуют сепаратизму. ... И я сейчас не говорю ничего националистического, я как раз преследую цель обеспечить спокойствие и узбекам, и киргизам. Демократия должна быть вторична, в первую очередь для страны после конфликта необходимо спокойствие. Новый конфликт не нужен ни нам, ни узбекам. Ведь все началось именно из выступлений узбекских лидеров по телеканалам. ...Люди на юге злые, они потеряли родных, и как им объяснить, что СМИ на узбекском – это нормально?! ...Сейчас с политической точки зрения рано открывать узбекские СМИ, мы еще не забыли 1990-й год, а вы тут уже новые каналы открываете. Это поспешность, которая только радикализирует население»¹³.

Присутствие узбекского языка в публичном пространстве ограничивается не только в СМИ, но и в сфере образования. Эксперты отмечают, что переход узбекских школ на киргизский язык обучения, который наблюдается в последние годы, стал закономерным результатом многолетнего пренебрежения и отсутствия государственной поддержки образования на языке меньшинств: за годы независимости Кыргызстана не выпускались учебники на узбекском (дети обучались по старым учебникам, изданным в Узбекистане в 1990-е годы, их программа не соответствовала той, что принята для школ с киргизским

¹²Каталь Ширин. Опасения Пен-клуба в отношении свободы самовыражения в Кыргызстане. 2014. Перевод СыйнатСултаналиевой. <http://www.pen-international.org/pen-reports/опасения-пен-клуба-в-отношении-свобод>

¹³<http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1369888980>

языком обучения), не хватало методической литературы, не говоря уже об обеспечении техническими средствами обучения, компьютерами и т.д., учителя не проходили должной подготовки. Это означает, что дети узбеков и до 2010 года не получали в Кыргызстане качественного образования, однако межэтнический конфликт, несомненно, способствовал резкому ограничению доступа к образованию на родном языке¹⁴. «В области языковых прав, и особенно в отношении этнических узбеков, межэтническое насилие 2010 года является одним из ключевых определяющих факторов в принятии государственных решений»¹⁵.

По данным Национального статистического комитета КР, в начале 2009-2010 учебного года школ с узбекским языком обучения насчитывалось 133 (67 060 учеников), на начало 2013-2014 года их количество уменьшилось почти вдвое – 65 школ (25 951 учеников). Вместе с тем выросло количество школ «смешанного типа», где, наряду с обучением на государственном киргизском, есть отдельные классы с обучением на русском, узбекском или таджикском языках: если в начале 2009-2010 учебного года таких школ было 449 (335 644 учеников), то в начале 2013-2014 учебного года – 493 (385 651 учеников)¹⁶.

Однако получить качественное образование на государственном кыргызском или на русском языках узбекские дети тоже не могут: школы не обеспечены учебниками, педагоги, ранее преподававшие на узбекском, не могут резко освоить преподавание на ином языке. Кроме того, совершенно ясно, что полноценное образование на неродном языке невозможно без специальных методик, которыми не владеют педагоги.

Переходный 2010-2011 учебный год оказался для узбекских школ очень болезненным периодом. По свидетельству директоров школ Оша, в это время «запретили пользоваться учебниками, изданными в Узбекистане, – их просто сдали в макулатуру, в принудительном порядке по всем предметам введены программы киргизских школ». «О каком качестве образования может идти речь, если у детей вообще нет учебников по русскому языку и литературе, по английскому языку и другим предметам? На уроке учебник есть только у учителя. Книги можно заказать в местных издательствах, но школа не в состоянии сделать такой заказ, т.к. государство не выделяет средств» (N.N., директор школы, письмо в АДЦ «Мемориал», 2011 год).

Межэтнический конфликт на юге Кыргызстана коснулся, конечно, и многих детей. Как пишет директор одной из узбекских школ Оша, «у многих сожжены и разграблены дома, есть дети, потерявшие родных и близких в эти дни. Это обстоятельство резко отразилось на психологическом состоянии детей, резко понизилась успеваемость учащихся, а также посещаемость школы детьми. Многие ученики из малообеспеченных семей не в состоянии посещать школу, потому что у них нет одежды, тетрадей, книг и т.д.». Из письма многолетней одинокой матери, живущей в Оше: «После смерти моего мужа все тяготы по воспитанию детей легли на мои плечи. На троих детей я получаю пособие 2300 сомов – этого не хватает даже на пропитание. После июньских событий 2010 года наша жизнь стала еще тяжелее: работы нет, у меня не хватает средств на одежду, книги и канцелярские принадлежности для моих детей» (письмо в АДЦ «Мемориал», 2011 год).

Кыргызские чиновники от образования и политики стараются представить перевод школ на киргизский язык обучения как позитивный процесс и ответ на требование времени. Характерно высказывание главы ошского отделения партии «АтаМекен» Абдимиталипа Сатыбалдиева: «Если родители желают хорошего будущего своим детям, то

¹⁴ Мнение члена мониторинговой группы и главы правозащитного центра «Кылым-Шамы» Азизы Абдирасуловой, http://sarty.kz/index.php/component/index.php?catid=2:2012-04-01-13-41-40&id=293:2013-02-13-06-40-00&Itemid=5&option=com_content&view=article

¹⁵ Катель Ширин. Опасения Пен-клуба в отношении свободы самовыражения в Кыргызстане. 2014. Перевод Сыйнат Султаналиевой. <http://www.pen-international.org/pen-reports/опасения-пен-клуба-в-отношении-свобод>

¹⁶ http://stat.kg/images/stories/docs/tematika/social/2014/Education_and_science_ru.pdf; стр. 231.

они должны забрать своих детей из школ с узбекским языком обучения, чтобы они могли получить образование на кыргызском или русском языках. Это поможет новому поколению поступать в вузы без проблем и далее работать в различных сферах, в том числе и государственных структурах». Та же тема звучит и в цитированном в СМИ высказывании пресс-секретаря министерства образования КР КерезЖукеевой, которая называет преобразование узбекских школ «позитивным шагом, потому что родители думают о будущем своих детей».¹⁷ Часто переход на другой язык обучения объясняют тем, что этого требуют сами родители, «думающие о будущем детей». Эксперты отмечают, впрочем, что родители-узбеки отдают предпочтение русским школам, связывая это «будущее» не с Кыргызстаном, а с трудовой миграцией в Россию.

Доступ узбекоязычных абитуриентов к высшему образованию тоже затруднен. Впервые, преподавания на узбекском в вузах больше нет. Кыргызско-узбекский университет (ОшКУУ) после событий июня 2010 года был спешно переименован в Ошский государственный социальный университет, а преподавание на узбекском там прекратилось еще в 2005 году (до этого, с 1995 по 2005 год, обучение велось на трех языках: кыргызском, узбекском и русском, а с 2005 года – только на кыргызском и русском). Одним из последствий июньских событий 2010 года стал отказ в признании дипломов этого вуза в Узбекистане, в связи с чем резко сократилось число иностранных студентов. Второй вуз с узбекским языком обучения – частный Университет дружбы народов им. Бакирова – во время беспорядков 2010 года был сожжен.

Выпускники, которые могли бы поступить в вузы Узбекистана, испытывают трудности с тем, что в Узбекистане принята письменность на основе латиницы, а в Кыргызстане они обучались на кириллице. В последнее время в Кыргызстане звучат предложения перевести узбекские школы на латиницу – правда, в контексте сокращения числа узбекских школ такая инициатива выглядит как утопия.

То, что вузов с узбекским языком обучения не осталось, в 2013 году стало для властей Кыргызстана поводом для отмены в 2013 году общегосударственного тестирования на узбекском языке, обязательного для поступающих как на бесплатные отделения вузов, так и на платные (ранее его можно было пройти на русском, кыргызском и узбекском).

Положение трудовых мигрантов из Кыргызстана в Российской Федерации

Отношения между Россией и Киргизией развиваются в первую очередь в военно-политической, торгово-экономической и культурно-гуманитарной сферах. Эти отношения закреплены многочисленными двусторонними договорами, договорами в рамках СНГ, а с 2014 года еще и договорами в рамках Таможенного Союза, куда Кыргызстан был принят в декабре 2014 года. Не менее важным фактором развития отношений является масштабный экспорт рабочей силы из Кыргызстана в Россию.

Трудовая миграция из Кыргызстана в РФ – массовое явление, характерное как для этнических кыргызов, так и узбеков с юга страны – для последних трудовая миграция стала вынужденной заменой беженства или поиска временного убежища. Согласно данным Минтруда Кыргызстана за 2014 год, порядка 500 тыс. внешних мигрантов из Киргизии (92% от общего числа мигрантов) работают в России¹⁸. Средства, заработанные мигрантами и переправляемые на родину составляют достаточно ощутимый вклад в экономику республики, который, по разным оценкам, достигает до 2 млрд долларов в год.¹⁹

Однако, несмотря на ту пользу, которую приносят трудовые мигранты экономике своей страны, их жизнь в России едва ли можно назвать легкой. Хотя между Россией и Кыргызстаном существует безвизовый режим, при въезде в Россию большинство трудовых

¹⁷<http://russian.eurasianet.org/node/59925>

¹⁸<http://www.e-cis.info/news.php?id=410>

¹⁹<http://russian.eurasianet.org/node/61636>.

мигрантов испытывают сложности во время процедуры регистрации. По общему правилу, ее необходимо пройти в течение 7 дней со дня прибытия в место пребывания. Из-за крайне ограниченных сроков и сложностей, которые возникают в случае отсутствия постоянного места жительства, киргизские граждане вынуждены получать фиктивную временную регистрацию различными путями, выезжать и снова въезжать в Россию через ближайшую границу (Украина или Казахстан) и находить другие полулегальные способы пребывания. Более того, в России существует достаточно сложная процедура получения разрешительных документов на трудоустройство, занимающая порой несколько месяцев, и высокие пошлины за их оформление.

Анализ основных изменений миграционного законодательства в России в 2013-2015 гг.

До 2015 года в России существовала система, при которой трудовой мигрант мог осуществлять свою трудовую деятельность только при наличии разрешения на работу или патента. Эти документы действовали до одного года и давали право иностранному гражданину работать и безвыездно находиться в России в течение этого срока, но их получение сопровождалось массой бюрократических требований и проволочек, и в первую очередь — системой установленных государством квот на привлечение иностранной рабочей силы в тот или иной регион. Компании, которые хотели нанять мигрантов, должны были подавать заявки на требуемое число мигрантов задолго до начала календарного года, квоты были недостаточны и быстро заканчивались, сами мигранты не знали, где их брать и к кому обращаться.

В результате широкое распространение среди мигрантов получила теневая занятость. Те же, кто хотел работать легально, вынужден был прибегать к помощи многочисленных фирм-посредников, которые предлагали свои услуги для получения каких угодно документов: от медицинских справок до самих патентов и разрешений на работу. Часто такие документы оказывались фальшивыми, что создавало риск административного и даже уголовного преследования мигрантов, штрафов, выдворения с последующим многолетним запретом въезд. Поскольку сотрудники полиции практикуют профилирование при проверке документов у визуально определимых мигрантов из Центральной Азии, отсутствие или неполный набор документов часто становятся причиной вымогательства со стороны полицейских.

С 2014 года на фоне сильных антимигрантских настроений в российское законодательство о правовом положении иностранных граждан был введен ряд жестких поправок. Так, с 1 января 2014 года вступили в силу поправки к Закону «О правовом положении иностранных граждан на территории РФ», согласно которым был ограничен срок временного пребывания иностранных граждан в России до 90 дней из возможных 180 (. До этого нововведения мигранты могли по истечении 90 дней выехать из России и сразу же въехать обратно, и законно находиться здесь еще 90 дней. Начиная с 2014 года этой возможности у мигрантов не стало, и многие из тех, у кого не было разрешения на работу или патента, дающих право пребывать в РФ в течение года, вынуждены были покинуть Россию или остались на нелегальном положении. В первую очередь, это коснулось жен трудовых мигрантов и их несовершеннолетних детей, которые приезжают в Россию не на заработки, а с иными целями. Почти одновременно с этой поправкой были приняты изменения и в Кодекс об Административных правонарушениях РФ, согласно которым въезд в Россию закрывается для тех, кто совершил два и более административных правонарушения (например, перешел дорогу в неположенном месте). Причем закрыть въезд могут на три, пять или десять лет.

С 1 января 2015 года Федеральный Закон «О правовом положении иностранных граждан» снова поменялся. Для трудовых мигрантов из безвизовых стран были отменены квоты и разрешения на работу и введена единая патентная система (патент позволяет трудовому мигранту работать как у физических, так и у юридических лиц; требуется

ежемесячно платить фиксированную стоимость патентов). С одной стороны, нововведения упрощают режим пребывания в РФ: обладатели патентов могут не выезжать за пределы РФ по истечении года (максимальный срок действия патента) и продлить патент (но не более, чем на один год), находясь в РФ. Однако есть и минусы: стоимость патентов теперь определяют регионы РФ, она увеличилась с 1200 рублей (в наиболее привлекательных для мигрантов регионах – до 3000 рублей в Санкт-Петербурге и до 4000 рублей в Москве). По мнению некоторых политиков, такое повышение цен на патенты позволит, помимо получения дополнительной прибыли для государственной казны, снизить приток иностранных рабочих, так как суммарные расходы мигранта при зарплате 15-20 тыс. рублей в месяц просто не позволят ему здесь существовать. Но в свете того, что зарплата на родине многих трудовых мигрантов в 4-5 раз ниже российской, а не менее трети мигрантов и так работают в России нелегально, в обход процедур легализации, даже после повышения цен на патент количество трудовых мигрантов остается высоким.

Введение патентной системы можно приветствовать: в случае ее успешного действия снизятся риски, связанные с посредниками, которые снабжают мигрантов фальшивыми документами и фактически перепродают рабочую силу, нарушая трудовые права мигрантов. Посредником стало российское государство: в настоящий момент услуги по оформлению документов для трудовых мигрантов оказывают коммерческие структуры Федеральной миграционной службы (например, в Санкт-Петербурге – Федеральное государственное унитарное предприятие «Паспортно-визовый сервис» ФМС России). В одном здании мигрант может пройти медицинский осмотр, экзамен по русскому языку, купить полис медицинского страхования, перевести и нотариально заверить документы, получить необходимые консультации. Как говорят сотрудники подобных структур, «денег мигрант потратит несколько не больше, а, скорее, даже меньше, чем если бы он занимался этим самостоятельно»²⁰.

Впрочем, региональные власти вносят в патентную систему дополнительные сложности. Так, 22 января 2015 года губернатор Санкт-Петербурга Георгий Полтавченко подписал постановление, в соответствии с которым в универсальные трудовые патенты будет вноситься специальность (должность, вид трудовой деятельности), по которой обязуется трудиться мигрант (она должна быть указана или в трудовом договоре, если таковой уже заключен, или со слов самого мигранта, если он пока не заключил такой договор). Менять место работы мигрант сможет, но только в рамках указанной профессии²¹. Таким образом, определенная свобода, которую дает патентная система, ограничивается – вероятно, в дальнейшем будет разработан механизм контроля за прикрепленностью мигранта к профессии и репрессивный механизм в случаях нарушения этой прикрепленности.

Нарушение права на образование детей трудовых мигрантов из Кыргызстана

1 января 2014 года вступили в силу поправки к Закону «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию». Теперь, согласно п. 1 статьи 5 Закона, срок временного пребывания в Российской Федерации иностранного гражданина, прибывшего в Российскую Федерацию в порядке, не требующем получения визы, не может превышать 90 суток суммарно в течение каждого периода в 180 суток. В лучшем положении оказываются трудовые мигранты, срок пребывания которых зависит от трудового договора, учащиеся высших учебных заведений, военнослужащие российской армии и некоторые другие категории иностранных граждан.

Дети иностранных граждан, в том числе учащиеся в российских школах, имеют право находиться на территории РФ только в течение 90 суток из 180. Срок их пребывания никак не связан со сроком пребывания родителей – трудовых мигрантов, которые, имея разрешение на

²⁰http://www.spbvedomosti.ru/news/obshchestvo/chez_ternii_k_nbsp_patentu/?sphrase_id=7182

²¹Реестр нормативных правовых актов Санкт-Петербурга, 26 января 2015 года. Регистрационный № 17588.

работу, могут безвыездно находиться на территории РФ в течение 1 года или – если это граждане Таджикистана – до 3 лет. Это означает, что проучившись в школе 3 месяца, ребенок должен прекратить обучение и покинуть территорию Российской Федерации, находиться за ее пределами в течение еще 3 месяцев, и только потом он может прибыть обратно в РФ и вновь приступить к обучению. Программа, которую проходили его одноклассники в течение предыдущих 3-х месяцев, будет им пропущена, поэтому страдает качество образования ребенка-мигранта. Нарушается и право ребенка на жизнь в семье, а большинству детей просто некуда ехать – ведь их родители находятся в РФ, семьи и дома на родине часто уже просто нет.

Поскольку большое количество трудовых мигрантов приезжает в РФ с детьми, то можно с уверенностью говорить о нарушении права на образование тысяч, а может быть, и десятков тысяч детей школьного возраста. Тем самым нарушаются гарантии равного доступа к образованию, закрепленные в Конвенции о правах ребенка, международных обязательствах и национальном законодательстве РФ.

Помимо нормы, запрещающей нахождение на территории России более 90 дней из 180 дней, УФМС устанавливает дополнительные правила, не закрепленные ни в каких нормативно-правовых актах либо внутренних распоряжениях, и требует их соблюдения, придавая им псевдозаконную силу. Так, АДЦ «Мемориал» получил в ответ на свой запрос разъяснение от начальника УФМС по Санкт-Петербургу Е.В.Дунаевой (датировано 30 мая 2013 года)²², где говорилось, что срок пребывания детей-иностранцев может быть продлен и приурочен к сроку пребывания родителей, для чего родители должны обратиться с заявлением в отделение УФМС по адресу ул. Римского-Корсакова, 39. Несмотря на такой ответ, гражданка Кыргызстана А.М., обратившаяся в УФМС с просьбой продлить срок пребывания своего сына, учащегося Санкт-Петербургского лицея, на срок ее пребывания, получила отрицательный ответ. Таким образом, несовершеннолетние граждане не смогли получить разрешение на пребывание в РФ, основывающееся на имеющихся разрешениях их родителей, несмотря на письменное указание начальников УФМС.

Параллельно с введением этих поправок в ФМС была разработана специальная компьютерная база данных, куда заносились иностранные граждане, въезд которым в Россию был запрещен по тем или иным причинам. Работа этой базы сопровождалась многочисленными сбоями, из-за которых в нее попадали те граждане, которые не привлекались к административной ответственности и имели документы, полученные легальным путем, среди них были и несовершеннолетние.

Жертвой такого сбоя стал несовершеннолетний гражданин Кыргызстана М.М., 1996 года рождения – этнический узбек, оказавшийся в 2010 году в г. Ош во время межэтнического конфликта. С 2011 года он жил в Санкт-Петербурге, успешно учился в лицее. Его мать работала в Санкт-Петербурге, согласно полученному по всем правилам разрешению на работу в РФ. Летом 2013 года, когда М.М. и его мать решили в очередной раз пересечь границу для оформления новых документов, он узнал о том, что находится в списке невъездных. Он сообщил правозащитникам:

«28 июня 2013 года я вместе с мамой выехал с территории России через Казахстан. При въезде обратно я узнал от пограничников, что УФМС Волгоградской области по указанию ФМС России наложило запрет на въезд до 2016 года за превышение сроков моего пребывания. Мою маму пропустили, а меня нет. Из-за этого мне пришлось вернуться в Кыргызстан, пока ошибка в базе данных не была устранена.

С 2011 года я проживаю в Санкт-Петербурге вместе с матерью, и за все это время ни разу не привлекался к административной ответственности ни в Волгоградской области, ни в Санкт-Петербурге, да и не мог привлекаться, так как являюсь несовершеннолетним. По словам пограничников, запрет на мой въезд был наложен годом ранее, но перед этим я въезжал и выезжал из России 2 раза и не

22 Документ хранится в архиве АДЦ «Мемориал».

сталкивался с подобными проблемами».

М.М. оказался в тяжелом положении, не имея возможности вернуться в РФ, где находилась его мать и где он должен был продолжить свое обучение, он был вынужден выехать в Кыргызстан, что не было безопасным для него как для уроженца Оша и этнического узбека. Запрет въезда в РФ для несовершеннолетнего М.М. стал прямым следствием несовершенства российского законодательства, не позволяющего оформлять регистрацию для несовершеннолетних иностранных граждан на срок пребывания в РФ их родителей.

Лишь общими усилиями правозащитников из России, Казахстана и Кыргызстана были установлены обстоятельства вынесения запрета, после чего права М.М. удалось восстановить, и он беспрепятственно вернулся в Санкт-Петербург. В последующем ФМС России признала, что в ходе наложения запрета на въезд были нарушены права М.М., так как он не должен быть привлечен к административной ответственности как несовершеннолетний, а согласно нормам Конвенции о правах ребенка не может быть разделен с матерью, которая законно проживала в России.

Членом Общественной палаты Российской Федерации Б.Л.Альтшулером было составлено и направлено обращение руководителю ФМС К.О.Ромодановскому с просьбой рассмотреть ситуацию М.М. и снять запрет въезда, а также «рассмотреть вопрос о возможности смягчения требований законодательства Российской Федерации в части срока временного пребывания в Российской Федерации несовершеннолетних детей трудовых мигрантов, установив, что этот срок определяется сроком законного пребывания на территории Российской Федерации их родителей, а также приравняв детско-родительские отношения к категории «чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств» (п. 8 ст. 26 № 114-ФЗ), при которых санкция в виде запрета на въезд в Российскую Федерацию в течение трех лет не применяется». На это обращение был получен ответ об отмене ограничения на въезд М.М., направленный для исполнения в региональные органы ФМС. Несмотря на то, что процедура исполнения решения оказалась крайне затруднена и потребовала активного содействия Б.Л.Альтшулера, в итоге была получена информация о снятии запрета и М.М. смог въехать в РФ, чтобы, хоть и с опозданием, но продолжить учебу

АДЦ «Мемориал» известно о нескольких случаях, когда в одном из районов Санкт-Петербурга регистрация школьников-мигрантов продлевалась на год на основании заявления и документов родителей, имеющих разрешения на работу. Однако эта практика отнюдь не системная, и судьба детей-мигрантов зависит от доброй воли конкретных сотрудников школ и местных органов ФМС. Между тем, такие решения отвечают наилучшим интересам и защите прав детей и должны быть распространены и в других регионах, дальнейшим шагом в этом направлении должны стать соответствующие изменения в законодательстве.

Выдворение детей отдельно от родителей

Вопреки принципу единства семьи, по словам сотрудников социальных учреждений занимающихся проблемами детей-мигрантов, только из Санкт-Петербурга ежегодно до 40 иностранных детей выдворяется отдельно от родителей²³. Как правило, дети оказываются разлученными с родителями после совместных рейдов ФМС и полиции, направленных на выявление нелегальных мигрантов на территории того или иного региона. В результате этих рейдов дети, родители которых признаются нелегальными мигрантами или не могут подтвердить свое родство с детьми, попадают либо в социальные приюты для беспризорных и безнадзорных детей, либо в Центры временной изоляции несовершеннолетних правонарушителей. После установления личности каждого ребенка сотрудники социальных приютов сопровождают иногородних и иностранных детей на их родину и там передают

²³ Интервью АДЦ «Мемориал» с социальным работником приюта для безнадзорных детей

либо родным, если таковых удалось разыскать, либо представителям детских домов, где дети находятся до тех пор, пока за ними не приедут родственники. В большинстве случаев это происходит по причине того, что родители детей находятся в России с нарушениями миграционных правил или у них нет документов, иногда их отбирают при рейдах ФМС. В ходе рейдов ФМС по выявлению случаев нелегальной миграции нередко забирают всех детей, увозят их в больницы и социальные учреждения, откуда их родители потом пытаются забрать детей, но им часто отказывают. Основанием для отказа может стать не только отсутствие документов, но даже неспособность родителей доказать, что у них есть легальное жилье или работа. Известны случаи, когда родители, имея на руках документы, просили отдать им детей и выражали готовность немедленно покинуть РФ вместе с детьми, но им отказывали, а детей вывозили в детские дома на их родине.

Нарушения прав мигрантов в специальных учреждениях временного содержания иностранных граждан (СУВСИГ).

Согласно действующим миграционным правилам, нарушение режима пребывания в РФ влечет за собой административную ответственность (статья 18.8 ч.3 КоАП РФ) и наказание в виде штрафа и обязательного выдворения. Таким образом, иностранные граждане попадают под эту статью даже в случае формального нарушения ими миграционного законодательства (отсутствие страхового полиса, невыезд по истечении 90 суток и т. д.), после чего выдворяются из РФ. Для этих целей, согласно п.9 ст. 31 Федерального закона от 25.07.2002 № 115 ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», их помещают в Центры содержания иностранных граждан, которые по условиям содержания практически ничем не отличается от тюремных. Срок заточения в таком центре может достигать двух лет и не поддается никакому периодическому судебному контролю. Во многих регионах РФ до недавнего времени не было специальных Центров содержания иностранных граждан (ЦСИГ). Например, в Санкт-Петербурге до осени 2011 года специального Центра содержания не было, и его функции выполнял приемник-распределитель ГУВД по Санкт-Петербургу и Ленобласти (ул. Захарьевская, 6). Обычно там отбывали наказание в виде краткосрочного ареста на срок 1-15 суток, и камеры, где содержались 2-4 человека, представляли собой каменный мешок площадью 8 кв. м, без необходимой мебели, без оборудованных туалетов, без доступа к питьевой воде. В этих нечеловеческих условиях в 2008-2011 гг. содержались иностранные граждане, осужденные на административное выдворение.

С 2011 года местом содержания иностранных граждан служит восьмиэтажное здание, находящееся в Красном Селе и находящееся в ведомстве ФМС. Большинство из задержанных в нем — граждане республик Центральной Азии, чаще всего — Таджикистана, Кыргызстана и Узбекистана. АДЦ «Мемориал» не раз пытался привлечь внимание к нормам и условиям содержания в подобных центрах. Вот что рассказал один из заключенных Санкт-Петербургского СУВСИГа об условиях, в которых вынуждены пребывать помещенные туда иностранные граждане:

«Учреждение представляет собой 8-этажное здание, первый этаж – дежурка, комната для свиданий, кабинет фельдшера и т.д., 2 этаж административный, там находится персонал, с 3 по 8 этаж – это камеры, в которых содержатся задержанные для выдворения и депортации. Среднее количество жилых камер на этаже – примерно 10-11. Есть большие и маленькие камеры.

Центр рассчитан на 176 человек, но одновременно в нем содержалось около 300, а летом, особенно в дни городских мероприятий, 400 человек, но никогда не было по установленной норме, то есть в период моего содержания никогда не было менее 200 человек. В камере, где сидел я, было 10 человек. Площадь камеры 17 кв.м., т.е. на человека приходилось 1,7 кв.м., кроватей не было вообще, мы вынуждены были спать вповалку на

полу.

На прогулку нас выводили не более одного раза в неделю, всего на 5-10 минут, иногда раз в две-три недели, а зимой – 1 раз в месяц, поскольку нет специального персонала, чтобы наблюдать за нами.

Прогулочный дворик представляет собой огороженную вагончиками территорию с колючей проволокой сверху, окон нет, т.е. это деревянный мешок площадью не более 50 метров. Никаких условий, специальных скамеек в нем нет.

Санитарные условия были просто ужасными. Возможность стирки личных вещей отсутствовала, прачечной не было, стирали белье сами в душе или прямо в камере, белье сушили прямо в камере. Гигиенические средства (стиральный порошок, шампунь) не выдавали вообще. Мыло, туалетную бумагу, зубную пасту сначала выдавали 1 раз в неделю, затем 2 раза в неделю, в основном, мы покупали их сами и нам передавали с воли. Одежда вновь прибывших в СУВСИГ специально никак не обрабатывается, не дезинфицируется и не прожаривается. Более того, никакого карантина или осмотра на предмет заболеваний для вновь прибывших не предусмотрено. Поскольку поступали и бездомные, зараженные вшами и разными паразитическими насекомыми, мы делали все сами: сами стригли людей наголо и делились своей одеждой, а их грязную одежду выкидывали.

Особо хотелось бы заострить внимание на отношении к нам со стороны сотрудников этого учреждения. Они относились к нам, как к настоящим уголовникам. Сотрудники ОМОН ежедневно осуществляли проверку камер на предмет запрещенных вещей. Иметь мобильные телефоны запрещено, телефоны отбирают, на время проверки камер, которая длится около получаса, всех выгоняют в коридор и требуют стоять, положив руки за голову, а ноги поставив шире плеч, все запрещенное – деньги, телефоны, зарядки для телефонов – изымают, хотя запрет на наличие мобильных телефонов нигде не регламентирован.

В качестве наказания за нарушение режима, неподчинение требованиям сотрудников ОМОН практикуется помещение в так называемый «стакан». Он представляет собой каменный или железный цилиндр, в котором можно только стоять или сидеть на маленькой скамейке, лечь там нельзя. В такой стакан в наказание помещают на несколько часов или даже на целые сутки без еды, доступа к воде или туалету нет, для того, чтобы пойти в туалет, нужно стучаться и звать дежурного, который не факт что придет. Самое главное, что записанных правил того, что именно является нарушением режима содержания, нет, нарушил человек режим содержания или нет, определяется на усмотрение администрации и сотрудников ОМОН.

Таким образом, условия содержания в данном Центре содержания нельзя назвать иначе как пыточными, ломающими человеческую психику и унижающими достоинство, они даже хуже тюремных условий. Пользуясь тем, что люди не понимают или плохо говорят на русском, не имеют защиты (адвокаты к ним не приходят в течение всего срока содержания), к ним относятся как к животным, унижают их психику и издеваются над ними как хотят».²⁴

Нарушение прав трудящихся мигрантов из Кыргызстана в России

Анализ обращений граждан Республики Кыргызстан, прибывших в Россию, в том числе с целью заработка, выявил ряд системных проблем, приводящих к нарушениям прав трудовых мигрантов и, как правило, являющихся следствием системных же недостатков в организации работы правоохранительных органов РФ. В первую очередь, это касается органов прокуратуры, Трудовой инспекции и Федеральной миграционной службы.

Так, сотрудники нашей организации в период с 2011 по 2014 гг. наиболее часто сталкивались с жалобами на деятельность так называемых «аутсорсинговых» фирм, оказывающих посреднические услуги между работником и работодателем. Их деятельность имеет среди

24 Из интервью с бывшим заключенным СУВСИГ, взятым 03.12.14 адвокатом О.П.Цейтлиной.

мигрантов огромный спрос, так как постоянные изменения правил оформления документов, незнание всех тонкостей миграционного законодательства и простая нехватка денег и времени не дают мигрантам другого выбора. При обращении в такую посредническую фирму с мигрантом, как правило, заключается фиктивный договор, копия которого не выдается. Затем мигрантов отправляют к «заказчику» рабочей силы, на которого они фактически работают: в сетевые магазины, на стройки и другие места работы, где они становятся жертвами обмана и эксплуатации.

Большой популярностью аутсорсинговые фирмы пользуются и у организаций, желающих привлечь на работу мигрантов. Фирма, которая самостоятельно и прямо нанимает мигрантов, должна иметь специальное разрешение, а до 2015 года – заранее, почти за год, подать заявку на определенную квоту в ФМС. Чтобы обойти эту сложную систему, большинство организаций прибегают к услугам аутсорсинговых фирм, которые сами заключают договор с мигрантом, а затем отправляют его работать в другие предприятия и компании. Пользуясь этой схемой, работодатель ограждает себя от лишних бюрократических проблем и, в случае несоблюдения норм трудового законодательства, полностью снимает с себя ответственность перед иностранным рабочим, так как по факту трудовые отношения между истинным работодателем и мигрантом отсутствуют, договор (иногда даже не трудовой, а «на информационные услуги») мигрант заключает с другой организацией.

Так, в августе 2010 года в АДЦ «Мемориал» стали поступать жалобы иностранных граждан – трудовых мигрантов, пострадавших от неправомерных действия общества с ограниченной ответственностью «Мегаполис». Как выяснилось, эта организация заключала договоры с иностранными гражданами и направляла их на работу в другие организации (сети магазинов и автозаправочных станций). При этом трудовые права мигрантов грубо нарушались, не выплачивалась заработная плата за несколько месяцев, а фактический работодатель не нес за это никакой ответственности, поскольку формально работодателем иностранных граждан была фирма «Мегаполис СПб».

Обратившаяся в АДЦ «Мемориал» гражданка Кыргызстана У.А. стала жертвой «аутсорсинговой» фирмы «Мегаполис». Летом 2010 года «Мегаполис» отправил ее на работу в сетевой магазин «Пятерочка». Как и с сотней других иностранных рабочих, с У.А. не был заключен трудовой договор. Ее рабочий день длился 12 часов, в течение которых ей не давали времени даже на обед. Более того, в течение нескольких месяцев ей не выплачивали заработную плату, а когда она решила обратиться к работодателю, выяснила, что она не числится в списках рабочих «Пятерочки» и, соответственно, не является их работником. Другие работники, пострадавшие от действия «Пятерочки» и «Мегаполиса» с помощью АДЦ «Мемориал» подали в суд с требованием выплатить заработную плату. Иск был удовлетворен: суд посчитал, что отвечать должен фактический работодатель – «Пятерочка», но вернуть зарплату работникам не удалось, так как оказалось, что счета «Пятерочки» – огромной сети продовольственных магазинов – были пусты.

Еще одна жалоба на действия «Мегаполиса» поступила в АДЦ «Мемориал» в 2013 году от гражданки Кыргызстана Матлюбы Р. Она пожаловалась на то, что ей не выплатили месячную зарплату за работу в супермаркете «Дикси» (около 10 000 рублей), куда она устроилась через «Мегаполис», но через месяц стала жертвой дорожной аварии и вынуждена была оставить работу. В данном случае договор был заключен – правда, не трудовой, а гражданско-правовой. Одним из пунктов договора было то, что «Исполнитель не имеет права без согласия Заказчика передавать информацию, полученную им в порядке выполнения настоящего Договора, а также любую иную информацию о деятельности Заказчика, третьим физическим и юридическим лицам», – абсолютно незаконное требование, направленное на запугивание мигранта в случае нарушения его прав. К сожалению, как и в случае с У.А., обращение в правоохранительные органы не дало никакого результата, а права потерпевшей не были восстановлены.

Поскольку АДЦ «Мемориал» стал активно защищать права иностранных граждан, вмешиваясь тем самым в нелегальный «бизнес» фирмы, правозащитникам стали поступать

угрозы со стороны сотрудников «Мегаполиса», в том числе звонки с угрозами. Как заявил директор фирмы, он был готов «устранить помехи» в лице работников АДЦ «Мемориал», которые вмешиваются в посреднический «бизнес», приносящий огромную прибыль.

Многочисленные обращения и жалобы на действия фирм-посредников в органы прокуратуры и Трудовую инспекцию не дают никаких результатов. Фирмы-посредники продолжают существовать и массово нарушать права иностранных граждан, что ставит вопрос о коррупционных связях между этими фирмами и государственными органами.

АДЦ «Мемориал» и ОО «Правозащитное движение: Бир Дуйно — Кыргызстан» просят Комитет рекомендовать властям Кыргызстана:

Приветствуя озабоченность властей КР ростом в России ксенофобии, национализма, насилия на почве ненависти по отношению к гражданам Кыргызстана, АДЦ «Мемориал» призывает не пытаться договариваться с националистами, а вместо этого – на дипломатическом уровне реагировать на проявления ксенофобии и насилия, требовать от властей Российской Федерации тщательно расследовать преступления на почве ненависти, а также другие инциденты, связанные с гражданами КР (в том числе исчезновения, несчастные случаи на производстве).

Объективно расследовать события 2010 года, отказавшись от практики предвзятого отношения к узбекскому населению; прекратить преследование узбеков – уроженцев юга Кыргызстана и не добиваться от Российской Федерации выдачи тех из них, кто был вынужден бежать от преследований.

Отстаивать право на жизнь в семье и право на образование детей трудовых мигрантов из Кыргызстана в Российской Федерации; требовать от властей РФ изменить миграционные правила и приурочить срок законного пребывания детей в РФ к сроку законного пребывания их родителей; требовать от властей РФ обеспечить доступ детей из Кыргызстана к качественному образованию в российских школах без дискриминации.

Отстаивать права и интересы граждан Кыргызстана – заключенных центров содержания иностранных граждан; посещать граждан Кыргызстана, находящихся в таких центрах, содействовать скорейшему оформлению необходимых документов для них; следить за выполнением Российской Федерацией решений Европейского суда по правам человека, признавшего условия содержания в таких центрах пыточными, а практику отсутствия судебного контроля за сроками содержания – незаконной; требовать от властей РФ улучшения условий в центрах содержания иностранных граждан и обеспечения заключенных бесплатной юридической помощью.

Требовать от Российской Федерации обеспечить соблюдение социально-экономических прав трудовых мигрантов из Кыргызстана; следить за выполнением российского и международного законодательства относительно трудовых мигрантов, в первую очередь – Трудового кодекса РФ; требовать, чтобы власти РФ привлекали к ответственности недобросовестных работодателей и посреднические фирмы, нарушающие права мигрантов.